

К.С. Романов

**КРИТИКА ИСТОРИЦИЗМА В РАБОТАХ ЭРИКА ВУЛЬФА
«ЕВРОПА И НАРОДЫ БЕЗ ИСТОРИИ» И ДИПЕША
ЧАКРАБАРТИ «ПРОВИНЦИАЛИЗИРУЯ ЕВРОПУ»**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kromanov@rocketmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой компаративный анализ критики конвенциональной академической истории, предложенной в работах Э. Вульфа «Европа и народы без истории» и Д. Чакрабарти «Провинциализируя Европу». Объектами критики авторов являются позитивистские, европоцентристские, стадильные установки историков и, шире, гуманитариев, которые Чакрабарти называет обобщенным понятием «историцизм». В первом разделе рассматривается понятие историцизма в концепции Чакрабарти, а также обобщаются представления Вульфа о состоянии современной ему академической науки, которые соотносятся с этой концепцией. Второй раздел посвящен предложенной авторами критике конвенционального подхода к прошлому. Третий раздел включает примеры, демонстрирующие предпринятые авторами попытки описания исторических событий и сюжетов вне историцистской парадигмы.

Ключевые слова: историцизм; модерн; постколониальная теория; Э. Вульф; Д. Чакрабарти

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-12

Для цитирования: Романов К.С. Критика историцизма в работах Эрика Вульфа «Европа и народы без истории» и Дипеша Чакрабарти «Провинциализируя Европу» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 155–165.

Эта работа посвящена сопоставлению исторических концепций двух известных авторов, которых принято относить к постколониальной традиции. Эрик Вульф — одна из ключевых фигур в американской культурной антропологии конца XX в. В своем *opus magnum*, «Европа и народы без истории», впервые опубликованном в 1982 г., он ставил целью показать глубокие взаимосвязи и взаимовлияние исторических процессов, происходивших и происходящих в мире,

Романов Константин Сергеевич — кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; kromanov@rocketmail.com.

сложившиеся в результате европейской колониальной экспансии последних пяти столетий. Он призывает современных ему антропологов обращаться к истории, привлекать ее методы для анализа антропологического материала.

Индийский историк и философ истории Дипеш Чакрабартти в сочинении «Провинциализируя Европу»¹, опубликованном в 2000 г.², выступает на схожих позициях, однако в большей степени критикует прогрессизм через акцентирование отличий политической модерности Европы и не-Европы (на примере Индии). Отсутствие идентичных европейским социальным классам и общественных институтов вне европейского континента свидетельствует не об «отсталости» сообществ, а о разнообразии форм бытования человеческой культуры в разных регионах мира и об их уникальном политическом и экономическом опыте.

Европейская интеллектуальная традиция и способы описания истории, основанные исключительно на европейских образцах, обоими авторами представляется проблемной. Чакрабартти называет это понятиями «историзм» и «историцизм»³, формулированию которых он уделяет достаточно много места в начале своего труда. Вульф не пользуется этими понятиями, однако его критика конвенционального языка и способов видения и писания «европоцентричной» истории вполне соотносится с критикой историцизма Чакрабартти. Это дает основания для сопоставления концепций двух авторов.

Основания историцизма

Чакрабартти видит истоки историцизма в позитивистских представлениях о развитии человеческих сообществ. Он появился в Европе как «образ мышления», основанный на идеологии прогресса. Историцизм утверждает Европу в качестве «воображаемой фигуры, по-прежнему прочно укорененной в виде клише и условных знаков в повседневных привычках мышления» [Чакрабартти, 2021: 12]. Фиксируется «абстрактный образ человека или Разума, — выкованных в Европе XVIII века и лежащих в основе социальных наук» [Чакрабартти, 2021: 13] вплоть до наших дней. Автор отмечает, что этот образ Европы далеко не во всем реалистичен, а, наоборот,

¹ Полное название в оригинале: *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*.

² Книга Вульфа не переведена на русский язык, поэтому цитаты будут приводиться в переводе автора статьи. Книга Чакрабартти была переведена на русский язык Музеем современного искусства «Гараж» в 2021 г., этот перевод и будет использован для цитирования.

³ В настоящей статье ввиду ограниченности объема мы не будем останавливаться на выявлении различий между этими понятиями.

противоречив и абстрактен. Историзм вырабатывает аналитический аппарат науки, канон, которому мы обязаны, в частности, таким мыслителям, как Дж. Милль, сформулировавшему тезис, что «мы все движемся к одной и той же конечной точке, <...>, но одни народы достигли ее раньше других» [Чакрабартти, 2021: 17]. Более поздние философы, такие как, например, К. Маркс, ориентировались на различные европейские реалии как на «первые», а значит, нормативные. Это позволило разделить народы на «цивилизованные» (европейские) и «нецивилизованные» (неевропейские), не готовые воспринять европейский (просвещенный) образ жизни и, что важно, способы организации политики и экономики. Поскольку они пребывают в «диком» состоянии, европейцам на какое-то время следует установить контроль над ними (здесь мы видим обоснование колониализма), во время которого они оказываются помещенными в некий «зал ожидания истории». Чакрабартти приходит к заключению, что «историзм сделал возможным европейское господство в мире XIX века». Вульф также здесь видит проблему, он заявляет о том, что «подобная схема развития вводит нас в заблуждение. <...>, во-первых, потому, что представляет историю как историю морального успеха, гонку во времени, в которой каждый гонщик по эстафете передает факел свободы. Так история превращается в прославление добродетели, в рассказ о том, как силы добра победили отрицательных героев. Зачастую это становится историей о том, как победители доказывают, что они добродетельны и добры самим фактом своей победы» [Wolfe, 2010: 5].

Э. Вульф указывает на то, что подобные представления закрепились и в других науках, а в конце XIX в. легли в основу эволюционистской школы антропологии, к наиболее ярким представителям которой можно отнести таких авторов, как Э. Тайлор [Первобытная культура, 1871] и Л. Морган [Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации, 1877].

Чакрабартти указывает, что историзм выстраивает символическую преемственность между европейскими авторами, идеями, нарративами и, таким образом, создает некий интеллектуальный канон. Он с сожалением отмечает, что в сложившейся системе идеи и концепты, появившиеся у неевропейских исследователей, не становятся аналитическими категориями: они становятся «лишь предметом исторических исследований». Автор разделяет «живые» (европейские) и «мертвые» (неевропейские) традиции. Однако, как отмечает историк, при ближайшем рассмотрении эта традиция уже не кажется незабываемой: «Мне известно, что нечто, именуемое «европейской интеллектуальной традицией», якобы уходящей в про-

шлое вплоть до древних греков, была сфабрикована относительно недавней европейской историей» [Чакрабартти, 2021: 14]. Продолжая эту мысль, он подвергает сомнению как ее «европейскость», так и «неразрывность». Один из ключевых тезисов Вульфа перекликается с этим утверждением: «... человеческие сообщества формируют культуры во взаимодействии, а не в изоляции» [Wolfe, 2010: XXV]. А раз культурной диффузии принадлежит ключевая роль в формировании культур, то концепция европейской гомогенной традиции представляется несостоятельной.

В результате европейской экспансии сформировалась не только политическая зависимость колоний от европейских метрополий, но и произошел экспорт идей и понятий, укорененных в европейском Просвещении: «темы рационализма, науки, равенства и прав человека, которые продвигало европейское Просвещение» [Чакрабартти, 2021: 13]. Чакрабартти указывает на то, что и западные мыслители усвоили этот язык. Европейский путь развития предлагается как единственный нормативный, а специфические местные формы трактуются как «пережитки». Это закрепило иерархию европейских и неевропейских культур, что фиксировалось в том числе через закон о «неравномерном развитии» Маркса, в дальнейшем развитый и другими левыми теоретиками⁴. Чакрабартти отмечает, что даже более поздние (мягкие) интерпретации этого концепта Э. Блохом или Л. Альтюссером содержат элементы историцизма — «все они приписывают историческому процессу и историческому времени как минимум структурное единство, что позволяет определять отдельные элементы настоящего как «анахроничные» [Чакрабартти, 2021: 23]. В этой логике рассуждает и Вульф: объясняя название своей книги, он указывает на то, что авторство метафоры «народы без истории» принадлежит Ф. Энгельсу и К. Марксу. Его «намерением было бросить вызов тем [теоретикам], которые полагали, что европейцы были единственными, кто вершил историю» [Wolfe, 2010: xx].

Критика историцизма

В критике историцизма Чакрабартти особенно важны два аспекта. Первый связан с тем, что в XX в. появляются национальные элиты в колониальных странах, которые «отвергли версию истории с “комнатой ожидания”, когда столкнулись с тем, что европейцы используют ее как аргумент против предоставления самоуправления колонизированным народам» [Чакрабартти, 2021: 19]. Таким образом, историцизм показал свою несостоятельность уже перед лицом политических движений XX в. в колониях — «“еще не” сегодня всту-

⁴ См.: *Троцкий Л.Д.* Итоги и перспективы. М., 1919. 85 с.

пает в противоречие с глобальным требованием “прямо сейчас”, характерным для всех народных движений за демократию» [Чакрабартти, 2021: 18]. Автор отмечает, что многие антиколониальные движения опирались на поддержку классов и социальных групп, которые в историцистской традиции вообще не могли претендовать на политическую организацию. С этим связан следующий аспект критики.

Для преодоления историцизма Чакрабартти призывает обратиться к категории политического. Он отталкивается от тезиса, что идеи, процессы и явления, возникшие и разворачивающиеся за пределами Европы, в историцистской парадигме по отношению к Европе описываются как периферийные. Традиция описания европейской истории как «всеобщей истории человечества» сформировала особый способ рефлексии о политической модерности, основанный исключительно на европейских образцах. Обращаясь к реалиям формирования модерности в Южной Азии, он обращает внимание на вовлечение в политическую жизнь индийского крестьянина. Отметим, что автор использует это понятие широко — «крестьянин символизирует собой все не-буржуазное (в европейском смысле)» [Чакрабартти, 2021: 21]. В европейской парадигме политическими акторами могут выступать лишь образованные городские группы. Индийские крестьяне XIX в., таким образом, попадают в категорию «дополитического», вследствие чего не могут быть наделены субъектностью. Однако вопрос о политическом и культурном статусе этих групп даже не является ключевым. Вслед за своим наставником и коллегой Ранаджитом Гухой он указывает на то, что политическая активность индийских крестьян в XIX в. была обусловлена верой в потусторонние силы. Автор приводит в качестве примера Сантхальское восстание, мотивированное верой в неких божеств, заставивших крестьян восстать против британцев. Это противоречит конвенциональным марксистским представлениям о том, что политическое восстание может осуществляться лишь секулярными группами. По мнению Чакрабартти и Гухи, это свидетельствует не о «до-политичности» (как полагает, например, Э. Хобсбаум⁵), а об альтернативной политичности. Так боги и духи оказываются включенными в область политического (!). Схожие тезисы можно найти в некоторых работах российского индианиста А.В. Ващенко [Ващенко, 1998; 2008].

По мнению автора, это свидетельствует об иной, неевропейской модели модерности и темпоральности, особом способе «бытия-в-

⁵ *Hobsbawm E.J. Karl Marx's Contribution to Historiography // Diogenes № 64. 1968. P. 37–56.*

мире»⁶. Иными словами, в Индии мы имеем дело с модерностью, которая отличается от классического образца — именно крестьяне, а не пролетарии, оспаривают существующий порядок. Это рассуждение «делает историю власти в рамках всемирной модерности фундаментально более многообразной и отделяет ее от универсалистского нарратива истории капитала» [Чакрабарти, 2021: 26]. Такой подход делает возможным преодоление европоцентристских концепций, основанных на представлении о линейном развитии, и замену их категорией «многоголосной истории, в которой голоса субалтернов будут слышны яснее» [Чакрабарти, 2021: 139]⁷.

Критика Чакрабарти узкого понимания модерности, не применимого к несекулярным обществам, перекликается с тезисами, высказанными в книге Вульфа относительно противопоставления «традиционных» и «модерных» обществ. Он указывает на то, что теоретическая категория «традиционного» помещает людей в рамки наследуемых ими статусов, в то время как в соответствии с представлениями о современном (модерном) обществе люди оказываются оторваны от наследуемых связей и наделяются новыми социальными ролями, соответствующими индустриальной эпохе. Вульф указывает на риски такой категоризации: «помещая столь разные регионы как Китай, Албанию, Парагвай, Кубу и Танзанию в теоретические рамки “традиционного общества”, мы делаем невозможным любое изучение значимых отличий между ними. Приравнивая традицию к статичному состоянию и отсутствию развития, мы отказываем этим обществам в праве на сколько-либо значимую собственную историю. Кроме того, разделение мира на современный, “переходный” (transitional) и традиционный ограничивает возможности понимания глубоких взаимосвязей между ними» [Wolfe, 2010: 13].

Критика дихотомии «модерного» и «традиционного» у Вульфа находит продолжение в развенчании марксистского деления обществ по типам производства. Он утверждает, что капиталистический способ производства не является более поздним или совершенным по отношению к родоплеменному (kin-ordered) или трибутарному. В действительности они могли (и могут) сосуществовать и взаимодействовать в разных регионах мира.

Как считает Вульф, описания этих способов производства в иерархии по отношению друг к другу являются заблуждением, основанным на европоцентричных (историцистских) представлениях. Иной отличной от капиталистического способ производства, принятый в той или иной стране, свидетельствует о региональной спец-

⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 451 с.

⁷ В статье автор не будет заострять внимание на понятии субалтерности, важной для постколониальной теории.

ифике. Отсутствие идентичных европейским классам и институтам свидетельствует, по мнению автора, о разнообразии опыта, а не о его ограниченности.

Писать историю без историцизма

Осознавая пределы академической исторической традиции, оба автора не только критикуют доминирующую парадигму, но и предлагают разные пути ее расширения. Как уже было отмечено, Э. Вульф акцентирует внимание на связанности процессов, происходящих в мире. Как указывает в предисловии к его книге другой известный антрополог Томас Эриксен, «в анализе Вульфа системные границы всегда относительны. В “Европе и народах без истории” он прослеживает систему взаимных связей сквозь смену исторических пластов, ярко показывая, почему само представление об изолированности племен или сообществ абсурдно» [Wolfe, 2010: xi]. Критикуя позитивистскую схему описания истории, в своей книге в качестве одного из способов он предлагает описывать мировую историю как череду сменяющих друг друга глобальных процессов. Такие сюжеты, как мехоторговля, работоторговля, или индустриальная революция, связывают мир в единое целое. Так, в главе о мехоторговле он показывает, каким образом азиатские, европейские и североамериканские народы оказались вовлеченными в единый процесс добычи и торговли пушниной с IX по XVIII в. Можно сказать, что сама мехоторговля описывается в качестве актора. Кажется, что она сама по себе обладает субъектностью даже в большей степени, чем политические лидеры или народы, в ней задействованные.

В качестве другого примера можно привести главу «Новые рабочие», где Вульф анализирует влияние капитала на рабочую миграцию в конце XIX в. Он отмечает, что само описание рабочих мигрантов из неевропейских стран вызвало некоторые затруднения у социологов и историков, поскольку те не сразу смогли поместить эти группы в существующие парадигмы. Изначально они восприняли этих мигрантов настороженно, чаще всего обозначая как «проблему». Он предлагает воспринимать этих людей как полноценных «социальных акторов в своем собственном праве, отвечающем на новые [экономические] условия» [Wolfe, 2010: 334], а не как «население, застрявшее на некотором плато эволюции» [там же]. Более того, он не только наделяет эти группы субъектностью, но и утверждает, что «две ветви истории в действительности являются одной» (европейская и неевропейская), и «люди без истории» на разных континентах «связаны с большой матрицей, созданной европейской экспансией и капиталистическим способом производства» [Wolfe,

2010: 355]. Под «большой матрицей» здесь, вероятно, понимается капитализм и сформированный под его влиянием европейский рабочий класс. Проблема субъектности колонизованных народов поднимается не только в академической литературе, но и находит преломление в творчестве многих современных литераторов и художников [Романов, 2015].

Чакрабартти, фокусируя внимание на индийской модерности, в восьмой главе своей книги показывает изменения, произошедшие в XIX в. в бенгальском обществе в отношении «семьи, братства и наемного труда». Он указывает на то, что не все нововведения, внедряемые британцами, воспринимались одинаково. Так, идеал хозяйки, занятой работой по дому, был воспринят исключительно позитивно: «Грихалакшми, домохозяйка, уподобляемая божественной Лакшми, богине домашнего благополучия, стала еще одним объектом националистической эстетизации» [Чакрабартти, 2021: 271]. В то же время автор отмечает серьезные сложности с попытками введения регулярного рабочего дня («неприятие конторской дисциплины для мужчин») и «отвращение» по отношению к «чакри» (наемному труду). В качестве причин он выделяет несколько факторов, среди которых патриархальный уклад общества, а также иное восприятие времени. «Дисциплинарность времени стала особенно резким и чуждым нововведением для колониальной Индии» [Чакрабартти, 2021: 272] — речь идет о том, что по сравнению с утверждением календаря и рабочего распорядка дня в Европе, в Индии внедрение новой темпоральности проходило стремительно, поэтому вызвало негативную реакцию и отторжение.

Однако в этой же главе Чакрабартти акцентирует внимание на сложившейся дихотомии между работой по дому (воспринимаемой позитивно) и работой по найму (воспринимаемой негативно)⁸. Наиболее распространенное объяснение, высказываемое относительно этого многими историками, заключается в том, что в колониальной ситуации «бенгальские националисты, как говорят, вынуждены были конструировать “дом” как автономное пространство, потому что европейцы не оставили им соответствующего места в общественной жизни» [Чакрабартти, 2021: 274]. Это объяснение автор видит тенденциозным и ограниченным. Истинные глубинные причины, вероятно, в том, что политическая организация бенгальского общества основывается на понимании «братства». Чакрабартти обращает внимание на отличие этого понимания как «реализации

⁸ Это противопоставление («труда на себя» и «работы по найму») сходным образом описывается также в работе канадских антропологов Джин и Джил Комарофф «Безумец и мигрант».

природной, а не договорной солидарности» от локковского братства как «мифа о договоре». Такое понимание бенгальских реалий позволяет, по мнению автора, «анализировать колониальную модернность, которая была тесно связана с европейской модернностью, но не воспроизводила автономного “индивида” европейской политической мысли» [Чакрабартти, 2021: 276]. По его словам, «так архаика вплетается в модерн, не как пережиток других времен, а как составной элемент настоящего» [Чакрабартти, 2021: 319].

Итак, оба автора видят причины неверной интерпретации истории неевропейских народов в первую очередь в европоцентризме гуманитарной академии, что Чакрабартти описывает понятием «историцизм». Следствием этого возникает неверная интерпретация любой локальной специфики, а также недостаточное внимание к глобальным связям в мире. Каждый из авторов предлагает свои пути решения этой проблемы. В фокусе внимания Вульфа описание истории человечества как глобальной истории, которую он предлагает воспринимать не как продолжение европейской истории, а как череду взаимосвязанных и взаимозависимых процессов. Чакрабартти предлагает уделять большее внимание не глобальным сюжетам, а особенностям регионального развития в разных странах. Повышенное внимание он уделяет вопросу темпоральности как особой форме политичности. Оба автора относятся к постколониальной традиции, включающей вполне определенные этические и политические императивы. Вследствие этого они осознают конечную значимость работы с прошлым для современности: «... вызов состоит в том, чтобы реконцептуализировать настоящее» [Чакрабартти, 2021: 306].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ващенко А.В. К типологии картины мира в аборигенных культурах: от мифа к роману (Сибирь — Северная Америка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 3. С. 100–108.
2. Ващенко А.В. Священное действо в культуре и игра в цивилизации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 109–115.
3. Морган Л. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.
4. Романов К.С. Перемена перспективы: «благородный дикарь», колонизация и постколониализм в художественном мире Кента Монкмана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 64–71.
5. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.
7. Чакрабартти, Д. Провинциализируя Европу. М., 2021.
8. Wolfe E. Europe and the People Without History. California, 2010.

Konstantin S. Romanov

**CRITIQUE OF HISTORICISM IN E. WOLFE'S 'EUROPE
AND THE PEOPLE WITHOUT HISTORY'
AND D. CHAKRABARTY'S 'PROVINCIALIZING EUROPE'**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
kromanov@rocketmail.com*

Abstract. This article presents a comparative analysis of criticism of conventional academic history, formulated in E. Wolfe's book "Europe and the People Without History" and Dipesh Chakrabarty's "Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference". Critics address positivism, eurocentrism, progressivism, and stadial history, which Chakrabarty refers to as "historicism". In the first part, the author explains the meaning of Chakrabarty's concept of "historicism" and summarizes Wolfe's description of conventional history, which fits in this concept. The second part focuses on the various elements of their criticism. In the third part we present quotes that showcase how both scholars strive to write history outside of the confines of the historicist paradigm.

Key words: historicism; modernity; postcolonial theory; E. Wolfe; D. Chakrabarty

For citation: Romanov K.S. (2023) Critique of historicism in E. Wolfe's 'Europe and the People Without History' and D. Chakrabarty's 'Provincializing Europe'. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3 (26), pp. 155–165. (In Russ.)

About the author: Konstantin S. Romanov — PhD in Culture Studies, Associate Professor of the Department of Comparative Studies in Literatures and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University; kromanov@rocketmail.com.

REFERENCES

1. Vashchenko A.V. 1998. K tipologii kartiny mira v aborigennykh kul'turah: ot mifa k romanu (Sibir' — Severnaya Amerika) [Towards the Typology of the Worldview in Aboriginal Cultures: from Myth to Novel (Siberia — North America)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no 3, pp. 100–108 (In Russ.)
2. Vashchenko A.V. 2008. Svyashchennoe dejstvo v kul'ture i igra v civilizacii [Sacred ritual in culture and game in civilization]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2008. no. 3, pp. 109–115 (In Russ.)
3. Morgan L. 1935. *Drevnee obshchestvo ili Issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii*. [Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization]. L.: Izdatel'stvo instituta narodov Severa CIK. (In Rus.)
4. Romanov K.S. 2015. Peremena perspektivy: "blagorodnyj dikar", kolonizaciya i postkolonializm v hudozhestvennom mire Kenta Monkmana. [Changing Perspective: "The Noble Savage", Colonization and Postcolonialism in the Art World of Kent

Monkman]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no 1, pp. 64–71. (In Russ.)

5. Tajlor E.B. 1989. *Pervobytnaya kul'tura*. [Primitive Culture] M.: Politizdat. (In Russ.)
6. Hajdegger M. 2003. *Bytie i vremya*. [Being and Time] Har'kov: Folio. (In Russ.)
7. Chakrabarti D. 2021. *Provincializiruya Evropu*. [Provincializing Europe] M.: Muzej sovremennogo iskusstva "Garazh". (In Russ.)
8. Wolfe E. 2010. *Europe and the People Without History*. University of California Press.

Статья поступила в редакцию 04.02.2023;
одобрена после рецензирования 08.03.2023;
принята к публикации 22.03.2023

The article was submitted 04.02.2023;
approved after reviewing 08.03.2023;
accepted for publication 22.03.2023